

ПРЕДИСЛОВИЕ

П.А.Вяземский отмечал в *Старой записной книжке*:

У нас была и есть устная литература. Жаль, что ее не записывали. Часто встречаешь людей, которые говорят очень живо и увлекательно, хотя и не совсем правильно. Нередко встречаешь удачных рассказчиков, бойких краснобаев, замечательных и метких остряков. Но все это выдыхается и забывается...(Вяземский 1883: 29).

Приведенные слова П.А.Вяземского в высшей степени показательны. Дело в том, что в пушкинскую эпоху устный слой литературы был особенно богат и разветвлен; именно он, в частности, определял некоторые весьма специфические грани в творчестве А.С.Пушкина, А.А.Дельвига, В.А.Жуковского, И.А.Крылова и других. Их устные рассказы были вершинным воплощением определенного круга традиций, явив "драгоценный осенний плод нашего словесного искусства"(Гроссман 1923: 48). То была, конечно, литература достаточно специфическая, но все-таки литература.

Анализируя устные рассказы А.С.Пушкина, Л.П.Гроссман в свое время совершенно справедливо отнес их к "особому виду словесного искусства, имеющему свои законы, теорию и традиции" (Гроссман 1923: 40). Однако впоследствии возобладала инерция едва ли не полного отождествления литературного текста с текстом письменным.

Пожалуй, только Ю.М.Лотман в наше время говорил о необходимости преодоления такого подхода. Так, обсуждая вопрос о художественном статусе *Уединенного домика на Васильевском*, он попутно сформулировал принципиально важное в контексте настоящей работы положение:

...После краткого периода исследовательской эйфории, вызванной открытием "забытой повести Пушкина", наступил период скепсиса. Итоговая на современном этапе работа Т.Г.Цявловской отражает стремление удалить этот текст из творческого наследия Пушкина... Исследование Т.Г.Цявловской обогатило историю пушкинского замысла сопоставлениями с рисунками поэта. Однако гипноз отождествления творчества в целом и письменного творчества сказывается на характере ее рассуждений. Пушкин, мастер "увлекательного разговора высшей образованности", блестящий рассказчик, неистощимую изобретательность ума которого отмечали многие его современники, предстает человеком, читающим вслух черновые рукописи собственного собрания сочинений. Характерная аберрация вызвана отказом анализировать текст как устный рассказ и связанным с этим игнорированием самой природы творчества рассказчика (Лотман 1979: 101–102).

Далее выстраивается целая цепь аргументов в пользу того, что характер, проблематика, поэтика *Уединенного домика на Васильевском* связаны с литературным кружком А.А.Дельвига, обусловлены господствовавшими в нем эстетическими тенденциями. Предположение это интересно и перспективно. Однако для нас сейчас особенно важно то, что в процессе анализа *Уединенного домика на Васильевском* Ю.М.Лотман продемонстрировал понимание его как устного, но одновременно и литературного текста.

Такой подход совершенно оправдан и закономерен, хотя в силу сложившейся традиции устная форма бытования анекдота оказывается для историков литературы каким-то непреодолимым препятствием, ибо совершенно необоснованно признается принадлежащей исключительно фольклору, а художественное творчество, соответственно, оценивается как исключительно письменное.

Об ограниченности и узости этой традиции Ю.М. Лотман заявлял и в статье *Сатира Воейкова "Дом сумасшедших"*, в частности, говоря "о необходимости выделения, кроме групп "устное народное творчество" и "письменная литература", промежуточной подгруппы "устная литература" (Лотман 1973: 44). К обсуждению данного круга проблем Ю.М.Лотман еще раз вернулся в статье *Устная речь в культурном быту пушкинской эпохи*, сделав в ее рамках следующее принципиальное заявление:

Русская культура никогда не была культурой полностью письменной (практически это и невозможно – речь идет об идеальной ориентации). Письменный и устный тексты – два противоборствующих реальные ее полюса. Историк, как правило, имеет в руках лишь первый. Реконструкция и изучение второго – насущная задача (Лотман 1979: 120).

Преодоление сложившейся исследовательской традиции, о котором говорил Ю.М.Лотман, совершенно необходимо, ведь из-за ее жесткого догматизма оказалось практически закрытым для изучения интересное и крупное явление, которое должно находиться в компетенции именно историка русской литературы. Мы имеем в виду анекдот пушкинской эпохи.

Это был полноправный и полноценный литературный жанр. Он обладал не просто особой сферой бытования (устной), но и своей поэтикой, имел свой круг авторов и репертуар сюжетов. Между тем анекдот пушкинской эпохи фактически не изучен, захватывался только краями в разысканиях крупных ученых, имеющих склонность к культурологическому рассмотрению литературы (Л.Я.Гинзбург, Л.П.Гроссман, Ю.М.Лотман и др.). Однако весь этот уникальный материал не только не был подвергнут сколько-нибудь систематическому осмыслению, но даже не был собран. В силу этого настоящее исследование не может претендовать на исчерпывающую полноту и окончательность, ведь оно только открывает конкретное историко-литературное изучение анекдота пушкинской эпохи (см.: Русский литературный анекдот 1990: 3–269).

Тексты, ставшие в диссертации объектом специального рассмотрения, реконструируются нами из целого ряда эпистолярно-мемуарных источников; укажем хотя бы на некоторые из них: воспоминания и эпистолярное наследие А.Я.Булгакова, *Записки* Ф.Ф.Вигеля, переписка М.И.Волковой с В.И.Ланской, мемуарные очерки и *Старая записная книжка* П.А.Вяземского, *Записки современника* С.П.Жихарева, коллекция анекдотов из архива Н.В.Кукольника, письма Ф.В.Ростопчина, *Дневник*, *Автобиографические записки*, *Воспоминания о Жуковском и Пушкине* А.О.Смирновой-Россет.

Все эти источники (пожалуй, только за исключением рукописных материалов Н.В.Кукольника) достаточно хорошо известны специалистам, обратившимся и обращающимся за получением тех или иных сведений к письмам, дневникам, запискам пушкинской эпохи. Однако для нас сейчас они прежде всего представляют интерес как своего рода "сокровищницы", содержащие в себе целые россыпи вполне самостоятельных текстов.

Изучая, например, воспоминания А.Я.Булгакова, мы стремимся вычлени из них

определенный корпус анекдотов. В целом можно сказать, что, воссоздавая из эпистолярно-мемуарных источников группу особых текстов, мы зачастую имеем дело с краткими записями, а нередко и просто с указаниями, ссылками на известные и популярные сюжеты. Поэтому очень часто становится совершенно необходимой реконструкция. Сопоставление различных записей одних и тех же сюжетов, хотя, конечно, их удастся добыть далеко не всегда, позволяет углубить и уточнить общий смысл и характер анекдотов, помогает выявить порой значительные нюансы и, наконец, дает возможность определить самый механизм функционирования текстов. Кроме того, такое сопоставление служит несомненным подспорьем при анализе специфики анекдотов, принадлежащих определенному автору, при уяснении его творческой манеры. Также очень продуктивно привлечение косвенных данных (например, свидетельств об обстановке салона или кружка, данных о структуре аудитории), нередко влиявших на менявшиеся оттенки и акценты анекдотов, ведь последние всегда существовали в тех или иных вариантах.

Именно сочетание всех указанных факторов (учет других записей, анализ индивидуальной манеры автора, привлечение косвенных данных), как представляется, и может обеспечить успех при реконструкции анекдотов из письменных источников. В процессе воссоздания и историко-литературного осмысления ряда популярных в свое время анекдотических циклов, в центре которых находились фигуры В.И.Апраксина, А.Д.Копьева, Л.А.Нарышкина, А.М.Пушкина, Д.Е.Цицианова и других, мы по возможности стремились применять такой комплексный подход; особенно полно и развернуто – в главе, посвященной устному творчеству Д.Е.Цицианова: в ней собраны все сохранившиеся записи его анекдотов, включая целый ряд вариантов, порой весьма существенно отличающихся друг от друга, а также свидетельства современников, помогающие раскрыть и уточнить не только контекстуальный фон, но и особую поэтику цициановских устных новелл.

Несколько слов о структуре работы. Сначала мы берем как бы общее жанровое поле анекдота, анекдот как таковой, без дифференциации на литературный и фольклорный, а затем формулируем те исходные принципы, которые определяют бытие анекдота именно как литературного жанра и демонстрируем, как эти принципы определились, выкристаллизовались, показываем, как на пересечении фольклорного анекдота, подвижного, вариативного, текучего, и книжной апофегмы выросло совершенно особое явление, имеющее свои законы и традиции, свои собственные стилистические нормы.

На следующем этапе исследования объектом анализа становится репертуар сюжетов анекдота пушкинской эпохи. Не пытаясь дать полную и исчерпывающую классификацию, мы стремимся показать, что группы анекдотических сюжетов всегда тяготеют к тем или иным тематическим гнездам. Мы выделяем своего рода классификационную сетку (в ее основе несколько моделей-масок: дурак, хвостун и простак) и демонстрируем, как происходит кристаллизация соответствующих анекдотических циклов. Затем из намеченной классификационной сетки мы вычленим тип хвостуна и связанный с ним набор сюжетов и, насколько возможно, подробно реконструируем анекдотический эпос о Д.Е.Цицианове, который был известен в пушкинскую эпоху как "русский Мюнхгаузен". При этом для нас совершенно исключительный интерес имеет то обстоятельство, что устные новеллы Д.Е.Цицианова не просто проецировались в роман в стихах *Евгений Онегин* и поэму *Домик в Коломне* А.С.Пушкина, но и сами были литературны, более того, слагались в единый и цельный художественный текст, пусть и обладавший своей особой спецификой бытования – устной. Осмысление совершенно забытой книги о "русском Мюнхгаузене", как нам кажется, помогает во многом подойти к уяснению функции анекдота в литературном процессе пушкинской эпохи.

На заключительном этапе изучается *Старая записная книжка* П.А.Вяземского – уникальный по своей грандиозности опыт собирания русского анекдота. Некоторые коррективы к тому, что было сделано в этой области П.А.Вяземским, позволяет внести анализ <*Записной книжки*> Н.В.Кукольника. Текст ее, извлеченный из архива писателя, включен в приложение.

	© 1995 by Efim Kurganov Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, University of Helsinki	
--	--	--